

«Къ вечеру Великой Субботы домъ нашъ свѣтился предѣльной чистотой, какъ внутренней, такъ и внѣшней, благостной и счастливой, тихо ждущей въ своемъ благообразіи Христова праздника, Христова пречистаго посѣщенія. И вотъ праздникъ наступалъ — ночью съ Субботы на Воскресеніе въ міръ совершался нѣкій дивный переломъ. Христосъ побѣждалъ смерть и торжествовалъ надъ нею. Къ заутренѣ насъ не возили, но все же мы просыпались съ чувствомъ этого благодѣтельнаго перелома, такъ что, казалось бы, дальше не должно было бы быть мѣста никакой печали. Однако, она даже и тутъ была, даже въ Пасхѣ. Вечеромъ въ тихихъ и розовыхъ вечернихъ поляхъ слышалось отдаленное, но все приближавшееся и все повторявшееся съ радостной настойчивостью: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ» — и черезъ нѣкоторое время

показывались «Христоносцы», молодые мужики безъ шапокъ и въ бѣлыхъ подпояскахъ, высоко несшіе огромный крестъ, и дѣвки въ бѣлыхъ платкахъ, которыя несли въ чистыхъ полотенцахъ церковныя иконы. Они шли съ торжествующимъ пѣніемъ, входили во дворъ и, наконецъ, дойдя до крыльца, радостно и взволнованно, съ сознаниемъ честь-честью завершенаго дѣла замолкали, затѣмъ братски, какъ равные съ равными, цѣловались со всѣми нами мягкими и теплыми, очень приятными мелодыми губами и осторожно вносили крестъ и иконы въ домъ, въ залъ, гдѣ въ тонкомъ полусвѣтѣ весенней зари мерцала въ главномъ углу лампадка, и ставили иконы на сдвинутыя подъ лампадку столы, на новыя красивыя скатерти, а крестъ на стулъ въ мѣру съ рожью. Какъ прекрасно было все это!».

(Ив. Бунинъ. «Жизнь Арсеньева»).

Христосъ Воскресе!

«Сколь ни много уже разъ повторяли мы нынѣ, но и еще не утомляемся повторять, уповаемъ же, что и вы не утомляетесь такъ часто слышать одно и то же

слово: Христосъ Воскресе.

Какое чудесное слово. Какъ измѣняется отъ него видъ всего, что существуетъ». (Филаретъ, М. Московскій).

Побѣда, побѣдившая міръ

Однажды лишь въ церковномъ году дается вкушеніе чистой безпримѣсной, бѣлой, какъ солнечное сіяніе, радости. Происходитъ это въ Пасхальную ночь. Какъ изъ переполненной чаши проливается эта радость во внѣ, за церковную ограду и готова охватить сіяющимъ облакомъ — нимбомъ весь міръ.

«Радуйтесь!» — Таковы первые слова Христа, возсіявшаго изъ гробовыхъ пеленъ, изъ скорбной и окровавленной плащаницы. «Чистая Дѣва, радуйся!» — зву-

читъ ангельское, внутрицерковное привѣтствіе Той, которая Сама есть живое олицетвореніе Церкви.

«Христосъ возста, веселіе вѣчное» — на весь космосъ гремитъ ликъ церковный!

А слово Іоанна Златоустаго, произносимое въ концѣ пасхальной утрени? — Да вѣдь это бьющій ключомъ, непомнящій себя отъ радости, неисчерпаемый источникъ всепрощенія, радости и любви — поистиннѣ, огненное вѣщаніе священнаго слова, хотя и не внесеннаго въ канонъ, но зани-

мающаго тамъ царственное мѣсто по праву первородства.

Раскрывается сущность христіанскихъ обѣтованій, ихъ сокровенный смыслъ. Какъ плодъ изъ завязи, исходитъ смысловая сущность христіанскихъ символовъ — обѣтованій Вѣтхаго и Новаго Завѣтовъ. Плодъ побѣды надъ грѣхомъ есть вѣчная радость. Но и другой голосъ звучать:

Какъ стоишь изъ глубины,

Протяжный и глухой.

Онъ вѣщаетъ намъ, что сущность грѣха есть вѣчная скорбь. Побѣдить эту скорбь вѣчной радостью и пришелъ въ міръ Сынъ Человѣческій, Онъ же и Сынъ Божій, прошедшій весь страдальческій путь подъяреннаго человѣчества. Самъ не мѣя на Себѣ грѣховнаго ярма. Но таковъ путь совершенной любви, приносящей радость. Такимъ путемъ былъ и путь Творца и Искупителя твари, — для свободной радости вызванной къ бытію.

Воистину драма творенія, драма искупленія — это драма любви. Но нѣтъ любви безъ свободы. Несвободная любовь содержитъ въ себѣ жесточайшее внутреннее противорѣчіе и не есть любовь. Иллюзія несвободной любви, «даръ данайцевъ», даръ князя вѣка сего. Онъ и запнулъ за пинаніемъ свободы взлетающую къ божественному свѣту изъ бездны небытія тварь

Свободный путь пересѣкая,

Взвился изъ бездны адскій духъ...

И ушла тварь «на страну далече» во образѣ блуднаго сына, и измѣнила своему Жениху Небесному и Его предвѣчному Отцу — «Отвергающій Меня, отвергаетъ, пославшаго Меня». Измѣнила сначала во образѣ, или, вѣрнѣе, въ безобразіи паденія Адамова — «Вообразивъ страстей моихъ безобразіе», — измѣняла потомъ и въ символахъ идолопоклонническихъ паденій, избраннаго народа и въ его законническомъ окостенѣніи. Отвергнутый Женихъ, — въ праведномъ гнѣвѣ любви, — призвалъ «язычниковъ» — увѣчныхъ, хро-

мыхъ, слѣпыхъ, нищихъ — какъ много въ этомъ символики! — «И наполнился домъ возлежащими».

«Уже не терплю ктому: призову Моя языки, и ти Мя прославятъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ».

Это драма, отвергнутой любви, жгущая «даже до ада преисподняго» — и поискъ любимаго — «и сего не обрѣтъ на земли, даже до ада сошелъ еси лютаго».

Объ этомъ возвѣщаетъ скорбный и протяжный звонъ къ выносу плащаницы. Въ этой мистеріи раскрывается тайна Жениха, снимаемаго съ креста любви и погребяемаго «въ ровѣ преисподнемъ, въ темныхъ и сѣни смертной». Никто такъ не умиралъ и не умретъ, какъ умеръ Безгрѣшный, принявшій всѣ грѣхи и всѣ смерти на Себя. И если до мгновенія смерти крестной раскрывалась тайна состраданія Творца твари, то теперь наступило для твари время оплакивать поруганнаго и униженнаго Творца, время исходящаго «милостивыми слезами; плача благообразнаго Іосифа съ Никодимомъ надъ «Одѣвающимся свѣтомъ, яко ризою».

Великая вечерня Великой Пятницы*) — снятіе со креста.

Утренняя Великой Субботы — погребеніе.

Наступаетъ торжественный мигъ — «всемірнаго молчанія», — и Господь воскресаетъ во исполненіе, любящей мольбы Своей Церкви во образѣ Пресвятой Богородицы. Таковъ смыслъ канона «Плачь Богородицы» на повечеріи Великой Пятницы. Господь не остается равнодушнымъ къ слезамъ Святѣйшей изъ созданной имъ твари. И эта любовь Творца превращаетъ мракъ Великаго Пятка въ тайну Святой и Великой Субботы, этой мистеріи

*) Съ формально-литургической точки зрѣнія Вечерню и повечеріе Великой Пятницы правильнѣе было бы называть Вечерней и повечеріемъ Великой Субботы.

зачатія новой жизни и вѣчнаго покоя. «Плотію субботствовалъ во гробѣ, дарова намъ новое субботство».

Какъ полно глубокаго прообразовательнаго смысла ветхозавѣтное огражденіе покоя субботняго дня — вѣдь это символъ чистоты новой Христовой субботы въ жизни будущаго вѣка, куда не войдетъ ничто нечистое, куда не проникнетъ никакое житейское попеченіе

Не заноси же въ міръ святыни

Своихъ невольничьихъ тревогъ...

И въ то же время Христось былъ осужденъ на смерть за нарушеніе субботы ветхой, производимое тѣми Его трудами, которые должны были явить цѣль — «эйдось» — субботы ветхой — Субботу Новую. «Да худшее воспримъ, подасть ми лучшее».

О трагическая діалектика!

Совершенно особыхъ устремленій, настроеній и установокъ полна утренняя Великой Субботы, съ ея «непорочными», канономъ «Волною морскою», крестнымъ ходомъ съ плащаницею вокругъ церкви и съ громовымъ пророчествомъ Іезекіиля о воскресеніи. Пророчествомъ, въ которомъ несказанный ужасъ объемлетъ насъ вмѣстѣ съ несказанной радостью. Непередаваемый трепетъ проникаетъ насъ отъ ирмоса пятой пѣсни канона «Волною морскою», наполненнаго сверхчеловѣческимъ огненнымъ томленіемъ по вѣчности изъ времени.

«Богоявленія Твоего Христе къ намъ милостивнаго бывшаго Исаія себѣ видѣвъ невечерній изъ ноши утренивавъ зываше: воскреснуть мертвіи и возстануть сущи во гробѣхъ и вси земнородніи возрадуются».

«Близко утро, но еще ночь» — зываетъ намъ тотъ же «пятый евангелистъ» Исаія. И отъ этого должны подняться наши восклоненныя, никнуція долу головы. Нашъ возлюбленный Господь сошелъ во адъ, чтобы «царски рыкая, какъ левъ»

разбудить спящихъ кошмарнымъ сномъ смерти. Ибо спокойной смерти не бываетъ, бываетъ только спокойная жизнь. И вѣчный покой въ вѣчной жизни. Смерть же — это — апогей грѣха, его «злой жизни», превратившейся въ вѣчную агонию, въ адскій огонь. И въ пасхальную ночь Господню мы всѣ явственно слышимъ пробуждающій насъ отъ мытарствъ грѣха голось, ибо и жизнь наша превратилась въ кошмаръ, и томимся мы всѣ какъ Исаія по утру воскресенія.

Со времени воплощенія Господня путь Сына Человѣческаго и пути міра таинственно связаны, и не дано болѣе имъ отдѣляться другъ отъ друга. Страсти Господни раскроются въ концѣ міра, какъ страсти міра, ибо Христось — Логось — онтологически держитъ міръ, и міръ, часто этого не сознавая, со-страдаетъ Христу, какъ и Христось, по благости Своего человѣколюбія, сострадаетъ міру. Этимъ объясняется, почему шествію Господа на страданіе предшествуетъ Его апокалиптическая бесѣда, (24-25 глава Еванг. Матѳея; Лук. 21, Мрк. 13), этимъ объясняется почему Страстная Седьмица и Пасха — какъ бы два великихъ лика единаго апокалипсиса — апокалипсиса агоніи и апокалипсиса воскресенія.

Будетъ у міра и воскресеніе Лазаря — быть можетъ, во исполненіе Федоровскихъ упованій*), будетъ и свой входъ, входъ во Іерусалимъ — таинственное тысячелѣтнее царствованіе святыхъ на землѣ, будетъ и Тайная Вечеря — выходъ Церкви съ Евхаристической Чашей во внѣ храма, будетъ и умовеніе ногъ — смире-

*) О Н. Ф. Федоровѣ и его «упованіяхъ» («всеобщее воскрешеніе», какъ задача исторіи, какъ нашъ сбщій долгъ передъ отцами) — см. «Вѣстникъ» Августъ-Сентябрь-Ноябрь 1931 годъ, «Н. Федоровъ и препод. Серафимъ Саровскій» (В. Н. Ильинъ).

ніе мудрыхъ и высокая благотворительность, благодатное социальное устройство. Но будетъ и своя Гефсиманская ночь — тупикъ и безвыходность, искушеніе невѣриемъ, будетъ и взятіе подъ стражу, и Иудинъ поцѣлуй — предатели изъ своей среды, наступитъ несправедный судъ, преторія Пилата — рационалистическія и государственно правовыя напасти, раскроются Голгофа и гробъ, — убіеніе и умученіе многихъ, разрушеніе плодовъ дѣла вѣрныхъ, уходъ прочихъ въ каткомбы, гдѣ тоже будутъ распри и взаимопобѣданія, наступятъ дни, которыхъ въ порядкѣ естественномъ не вынесла бы никакая плоть... А затѣмъ изъ безднъ космоса, изъ его подвигшихся свѣтилъ — огненный апокалипсисъ — воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка — новый, несказанный эонъ, нескончаемый вѣкъ. И воскресеніе Господне отразится на воскресеніи міра, явленіи новаго неба и новой земли.

«Господь воцарися, въ лѣпоту облеченъ».

Лѣпота — красота, являющая себя, какъ тайная жизни будущаго вѣка. Гос-

подь воскресъ изъ мертвыхъ силою «Святаго Безсмертнаго», явленнаго въ воплощеніи страданія и раскрывающагося, какъ образъ вѣчной красоты, въ воскресеніи и жизни будущаго вѣка. Но красота есть то, чѣмъ движется любовь. И то, что грядетъ за апокалипсисомъ, то раскрыто въ «Пѣснѣ Пѣсней», въ пирѣ вѣчной, эонической любви, которая «никогда не престаеетъ».

Красота воскресенія Господня и есть побѣда, побѣдившая міръ. Иисусъ Христосъ, какъ Женихъ, исходитъ изъ гроба, и Церковь, «какъ невѣста, украшенная для мужа своего», выходитъ къ Нему навстрѣчу.

Человѣчество Христово есть его супруга, — невѣста, предвѣчная Церковь *Ecclesia perpetua*, «ковчегъ, позлащенный духомъ».

«Духъ и Невѣста» — тайна жизни будущаго вѣка и плодъ воскресенія.

«Господь воцарися, въ лѣпоту облеченъ».

В. Н. Ильинъ

Парижъ, 1932.

Апрѣль.

Нерукотворный образъ Иисуса Христа (Туринская плащаница).

Недавно, въ помѣщеніи Русскаго Студенческаго Христианскаго Движенія въ Парижѣ, былъ прочитанъ докладъ г-номъ Солодовниковымъ о Туринской плащаницѣ.

Преданіе утверждаетъ, что плащаница эта хранитъ на себѣ нерукотворное изображеніе Иисуса Христа. Я постараюсь передать здѣсь то совершенно потрясающее впечатлѣніе, которое произвелъ на меня этотъ докладъ.

Уже заранѣе предчувствуя нѣчто не-

обычайное, я смутно волновался и былъ охваченъ какимъ-то трепетомъ. Докладъ долженъ былъ начаться сразу же послѣ всенощной.

Маленькая Монпарнасская церковь была полна народу. Горѣли свѣчи. Надъ алтаремъ, сквозь дымку голубого ладана, тускнѣлъ темный и суровый ликъ Спасителя, и торжественно неслись къ Нему стройные аккорды пѣснопѣній. Съ трепетомъ я смотрѣлъ на Него и ждалъ необычайнаго.